

УДК 808.5

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Дискурсивный анализ особенностей устной и письменной речи Дональда Трампа

Шустов Д.В.¹, Пойменова А.С.², Прохоров Н.А.³

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

³ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: shustov_689@mail.ru; lukhanina_a@bsu.edu.ru; prokhorovkoyla@yandex.ru

Аннотация. На основе дискурсивного анализа письменной и устной речи Д. Трампа авторами показаны специфика и дистинктивные характеристики политического дискурса, а также представлена личность Дональда Трампа как трикстера лингвистического типа. Авторы отмечают такие особенности политического дискурса, как оценочность, агрессивность и тесно связанные с ней эффективность, отстаивание собственной точки зрения. В качестве основных характеристик трикстера авторы выделяют амбивалентность моральных установок, целеустремленность, насмешливость, языковую игру, стремление показать умственное и тактическое превосходство. В работе отмечены средства предоставления такого типа трикстера, а именно: использование возвышенной лексики, клише, использование аллюзий и другое. В письменном варианте текста наблюдается авторская паузация, нарушение тональности предложений.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, лингвopsихологический тип, трикстер, политический дискурс

Для цитирования: Шустов Д.В., Пойменова А.С., Прохоров Н.А. 2022. Дискурсивный анализ особенностей устной и письменной речи Дональда Трампа. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 41(2): 397–404. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Discursive Analysis of the Features of Donald Trump's Oral and Written Speech

Dmitry V. Shustov¹, Alisa S. Poimenova², Nikolay A. Prokhorov³

¹ V.G. Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russia

² Belgorod Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia

³ Saint Petersburg State University Russia,

7/9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russia

E-mail: shustov_689@mail.ru; lukhanina_a@bsu.edu.ru; prokhorovkoyla@yandex.ru

Abstract. Based on the discursive analysis of D. Trump's written and oral speech, the authors show the specifics and distinctive characteristics of political discourse, as well as the personality of Donald Trump as a linguistic trickster. The authors note such features of political discourse as evaluativeness, aggressiveness and closely related effectiveness, defending one's own point of view. As the main characteristics of the trickster, the authors distinguish ambivalence of moral attitudes, purposefulness, mockery, language play, the desire to show mental and tactical superiority. The paper notes the means of providing this type of trickster, namely: the use of lofty vocabulary, cliches, the use of allusions and more. In the written version of the text, there is an author's pause, a violation of the tonality of sentences.

Keywords: discursive analysis, linguopsychological type, trickster, political discourse

For citation: Shustov D.V., Poimenova A.S., Prokhorov N.A. 2022. Discursive Analysis of the Features of Donald Trump's Oral and Written Speech. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 397–404. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Введение

Проблема изучения дискурса находится в центре внимания не одного поколения лингвистов и является крайне актуальной и в настоящее время, о чем свидетельствуют многочисленные работы по данному вопросу. Несомненно, процесс изучения данного феномена способствует проникновению в его сущность, выкристаллизовыванию его характеристик и оформлению различных подходов к его изучению.

Многие исследователи, в частности С.Н. Генералова и Ю.Ю. Суханов, отмечают, что к настоящему моменту однозначной научной концепции политического дискурса как феномена так и не сложилось [Генералова, 2010; Никулина, 2017; Суханов, 2018]. Прежде всего следует отметить проблему его онтологического статуса. С одной стороны, его, безусловно, следует отнести к институциональному дискурсу, поскольку затрагиваемые основные темы и ключевые концепты политики явно выходят за рамки персонального дискурса. Но, как и другие виды институционального дискурса, политический дискурс несёт на себе печать личностного и тем самым персонального отношения к политике тех людей, которые обсуждают эти вопросы не только в публичных местах, но и в кругу друзей, семьи т. д., т. е. в рамках типичных ситуаций бытового дискурса как одной из двух ключевых разновидностей персонального дискурса [Карасик, 2002; Карасик, Дмитриева, 2005]. Тема политики является одной из наиболее распространённых в бытовых разговорах.

Характеризуя дискурс, В.З. Демьянков выделяет следующие характеристики политического дискурса: его оценочность и агрессивность, эффективность и отстаивание собственной точки зрения [Демьянков, 2002]. Рассмотрим данные характеристики подробнее.

Агрессивность политического дискурса определяется самой сущностью политики, где основной интенцией определённой стороны является демонстрация несостоятельности взглядов, действий или программы своего оппонента политическим деятелем. Тем самым оценочность становится неременным свойством политического дискурса как отражения определённой политической линии.

Следующая характеристика – эффективность – неразрывно связана с агрессивностью, поскольку если в бытовом дискурсе агрессия может быть простым выражением отрицательной эмоции, не преследующим какого-либо воздействия на объект этой агрессии, то в политическом дискурсе агрессия является выражением реальной борьбы, реального антагонизма.

Третья характеристика – отстаивание собственной точки зрения – является прямым следствием наличия двух предыдущих характеристик политического дискурса. Без неё две предыдущие характеристики использовались бы впустую, и поэтому целью любой политической дискуссии является убеждение всех занятых в этой дискуссии лиц в правильности именно своей точки зрения, для чего политический деятель может использовать самые различные средства – от косвенных намёков и аллюзий до прямых криминальных действий [Будаев, 2016].

Исходя из представленных характеристик политического дискурса, попытаемся на примере одного выступления показать фигуру Д. Трампа как трикстера. Авторы работы под трикстером понимают лингвопсихологический тип личности, характерными чертами которого являются амбивалентность моральных установок, целеустремленность, насмешливость, языковая игра, стремление утвердить умственное и тактическое превосходство [Прохорова, Чекулай, 2011].

Особый интерес для исследования Д. Трампа как языковой личности представляют его официальные речи, адресованные как к американской нации, так и к мировому сообществу. В частности, с позиций комплексного лингводискурсивного анализа представляет интерес его «Обращение к нации» 8 января 2020 года в связи с конфликтной ситуацией между США и исламской Республикой Иран (далее «Обращение»), которое представлено в письменной и устной формах [Remarks by President ..., 2020].

Как представляется, дедуктивный алгоритм исследования в данном случае является более перспективным, чем индуктивный.

Результаты и обсуждение

Сразу можно отметить, что существенного расхождения между двумя формами речевой представленности данного фрагмента выявлено не было. Основным методом исследования указанной речи с позиций характеристики её «хозяйина» является, безусловно, критический дискурс-анализ. Следует отметить несколько случаев неполного соответствия излагаемых в исследуемой речи фактов действительности. В частности, обращают на себя внимание следующие связанные высказывания Президента США: «*We are now the No. 1 producer of oil and natural gas anywhere in the world. We are independent, and we do not need Middle East oil*» [Remarks by President ..., 2020]. Действительно, по данным ОПЕК (Организации стран-экспортёров нефти) и британской нефтегазовой компании British Petroleum США вышли на первое место по добыче как нефти, так и газа в мире на конец 2016 года [Добыча сырой..., 2021].

В то же время по добыче нефти на конец 2016 года по данным обеих указанных организаций на первом месте находилась Саудовская Аравия, на втором месте – Российская Федерация, а Соединённые Штаты занимали лишь третью позицию. Как отмечает Статистический Ежегодник мировой энергетики, «Добыча сырой нефти в Соединенных Штатах значительно возросла в связи с ростом объемов разведки и добычи нефти из богатых сланцевых запасов, что привело к самому большому за всю историю ежегодному увеличению добычи для одной страны. Это связано с запуском новых проектов, устойчивым спросом на нефть и более высокими ценами [Добыча сырой ..., 2021].

Таким образом, первое высказывание Президента США внешне соответствует действительности. Однако следующее за ним высказывание указывает на явное лукавство оратора, во-первых, потому что независимость стран – производителей основных энергоносителей в современном мире является безусловно относительной, поскольку эти страны ведут добычу и торговлю с постоянной «оглядкой» на своих конкурентов, во-вторых, потому что расплаты по энергоносителям производятся на неустойчивой биржевой основе, а в-третьих, и в главных, потому что незыблемый статус американской национальной валюты как средства расчёта подвержен реальным рискам.

Не менее интересно и следующее высказывание: «*Iran went on a terror spree, funded by the money from the deal, and created hell in Yemen, Syria, Lebanon, Afghanistan and Iraq*». Дело даже не в том, что Ирану предыдущей администрацией США были выделены деньги как попытка «задобрить» государственный истеблишмент ИРИ в её действиях в связи с укреплением собственной ядерной инфраструктуры. Параллельно к трикстерским характеристикам Трампа как личности, занимающей высший пост в супердержаве, следует отнести и то, как бесцеремонно он оценил предыдущую администрацию Обамы, используя прямое оскорбление *foolish* в следующем высказывании: «*Iran's hostilities substantially increased after the foolish Iran nuclear deal was signed in 2013, and they were given \$150 billion, not to mention \$1.8 billion in cash*»¹. Дело в том, что Д. Трамп явно преувеличивает недружелюбное отношение Ирана к указанным странам.

¹ В обоих высказываниях слово *deal* обозначают кореферентное событие, хотя и в этом случае представляется, что Трамп либо не до конца владеет фактами, либо намеренно искажает их, поскольку соглаше-

Как нетрудно заметить, отношения двух стран едва ли можно назвать враждебными, или, по заявлению Трампа, *creating hell*. Естественно, обе страны в своих взаимоотношениях руководствуются не в последнюю очередь своими геополитическими интересами в данном регионе, но назвать такие отношения враждебными было бы некорректно.

С позиций критического дискурс-анализа текста данного «Обращения...» следует обратить внимание и на такую важную категориальную характеристику институционального дискурса, как адресант и адресат представленных в данном тексте сообщений [Богин, 1984]. Как видно, объектом данного исследования является адресант сообщения как языковая личность. Но эти участники дискурса связаны таким же неразрывным отношением, как аверс и реверс медали. Практически невозможно характеризовать адресанта без учёта в анализе фактора адресата. С этих позиций адресат сообщения является сложным [Водак, 2006; Иванцова, 2010]. С одной стороны, по крайней мере, формально, он представлен американской нацией в целом и теми отдельными гражданами США, которым не безразлично место своей страны в современном мировом сообществе. Но, с другой стороны, самим собой разумеющимся является и то, что благодаря СМИ данное обращение будет слушаться и/или читаться руководителями других государств – игроков на международной политической арене.

Таким образом, в ходе критического дискурс-анализа было выяснено, что речь исследованного «Обращения...» является образцом игры трикстера в том плане, что изложенная в нём недостоверная или неточная информация подаётся как безусловная истина, подкреплённая возвышенной риторикой, что придаёт данному «Обращению...» большую убедительность в его состоятельности, искренности и конструктивизме [Ахметшин, Горбатов, 2015]. В его тексте используется большое количество возвышенных слов (*orchestrated, drenched in blood, unprovoked strike normous untapped potential, prosperity*), подобрано соответствующее оцениваемой ситуации лексико-аксиологическое наполнение, использованы необходимые клише для того, чтобы убедить граждан США в искренности намерений администрации Белого Дома и в личной порядочности, искренности и альтруизме самого Дональда Трампа.

Важным аналитическим этапом в настоящем исследовании представляется анализ дискурсивной микроструктуры текста указанного «Обращения...» путем использования положения теории речевых структур У. Манна и С. Томпсона, которые определяют её как «теорию, описывающую основной аспект организации текста на естественном языке». Среди основных уровней структуры можно назвать суперструктуру (*Holistic structure*), отвечающую за организацию текста на самом верхнем уровне и зависящую от его жанровой принадлежности; структуру связей (*Relational structure*) и синтаксическую структуру в привычном понимании (*Syntactic structure*) [Mann, Thompson, 1985].

С учётом того, как был сегментирован транскрипт этого выступления, сразу же обращает на себя внимание сегмент, переданный первым предложением: «*As long as I am President of the United States, Iran will never be allowed to have a nuclear weapon*». Оно явно выбивается из общей логической и дискурсивно-риторической структуры текста, поскольку, хотя и согласовано семантически, почему-то появляется перед приветствием. Как представляется, это также речевая стратегия трикстера [Asher, 1986; Чекулай, 2006]. Она, очевидно, основана на аллюзии со следующим историческим фактом. В сенате Древнего Рима Марк Порций Катон Старший начинал любую речь словами: «*Карфаген должен*

ние об урегулировании ядерной проблемы в Иране было подписано 14 июля 2015 года. Тем не менее, 24 ноября 2013 года в Женеве был подписан Совместный план действий, по которому Иран принимал обязательство прекратить обогащение урана свыше 5%, уничтожить все запасы обогащенных до 20% ядерных материалов и остановить строительство новых центров по обогащению урана [<https://tass.ru/info/5185728>]. В оправдание данного заявления Трампа можно сказать, что он, возможно, имел в виду начальный момент в заключении ряда договоров об уступках ИРИ в отношении США и других западных стран в связи с собственной ядерной программой.

быть разрушен», и его имя в мировой культуре стало синонимом нестигаемости и уверенности в правоте своего отношения к чему-либо важному или опасному. По всей видимости, Дональд Трамп вспомнил об этом и решил повторить этот риторический приём более чем через две тысячи лет и тем самым, как и Катон, который за это получил прозвище «Цензор», т.е. «Неподкупный», прослыть символом стойкости и убеждённости [Bailey, 1985; Lane, 2017].

Анализируя письменный текст выступления, следует отметить, что в нём не обнаружено никаких существенных отклонений от нормативного оформления политических документов данного жанра [Матыцина, 2019]. Однако в ходе исследования данный текст был сопоставлен с видеозаписью этого обращения (время звучания 9 минут 38 секунд), и в озвучивании его Президентом Трампом были обнаружены некоторые несоответствия микроструктуры данного текста в письменном и в устном видах речи, в частности:

1. (Видеозапись: 1.39 – 1.47): Высказывание «Iran has been the leading sponsor of terrorism, and their pursuit of nuclear weapons threatens the civilized world» Трамп сегментировал следующим образом – пауза после слова terrorism практически отсутствует, но зато она появляется после слова pursuit.

2. (Видеозапись: 1.53 – 2.00): В высказывании «Last week, we took decisive action to stop a ruthless terrorist from threatening American lives» пауза появляется после слова stop.

3. (Видеозапись: 2.02 – 2.11): В высказывании «At my direction, the United States military eliminated the world's top terrorist, Qassim Suleimani» пауза появляется после слова top;

4. (Видеозапись: 3.19 – 3.30): На стыке высказываний «By removing Suleimani, we have sent a powerful message to terrorists. If you value your own life, you will not threaten the lives of our people» вместо нисходящего тона в конце первого высказывания было повышение тона, после чего, по типу введения прямой речи после короткой паузы, прозвучало следующее высказывание.

5. (Видеозапись: 4.54 – 5.09): В высказывании «The regime also greatly tightened the reins on their own country, even recently killing 1,500 people at the many protests that are taking place all throughout Iran» были сделаны паузы после слов protests и place, а сами эти слова, как и последнее слово высказывания Iran, были произнесены с нисходящим тоном.

Кроме указанных случаев, в тексте было зарегистрировано более 30 подобного рода расхождений между рекомендуемой пунктуационными правилами паузации и её реального звучания.

Можно предположить несколько гипотез данного нарушения сегментации. Во-первых, она может быть объяснена болезненным состоянием Трампа в тот момент. Во-вторых, Трамп намеренно делил текст на фонетические синтагмы таким образом, как представлял себе необходимым без каких-либо интенций. И, в-третьих, такая паузация была произведена намеренно, с целью показать торжественный и грозный характер данного «Обращения...». В любом случае, вторая и третья гипотезы являются прямыми доказательствами того, что Трамп представляет собой именно лингвopsихологический тип трикстера, поскольку:

а) если имела место вторая гипотеза, то это свидетельство независимости трикстера от мнения окружающих и от объективных правил чего-либо, что было бы попыткой внести определённый регламент в его действия, чего трикстер абсолютно не приемлет;

б) в случае релевантности третьей гипотезы несовпадение сегментации в письменном варианте «Обращения...» и в озвучивании её Трампом является свидетельством языковой игры, что, как указывалось выше, является характерной чертой трикстера как языковой личности.

Можно также предположить, что текст был написан специально подготовленным спичрайтером, а Трамп только озвучил его. Кроме того, видеозапись показывает, что Трамп произносит его без письменной опоры, а его речь является достаточно беглой для политика высокого ранга. В этой связи гипотеза «трикстера» представляется наиболее релевантной.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что политический дискурс в его узком понимании активных действий непосредственно на политической стезе направлен в определённой мере на манипулирование как аудиторией, так и своими противниками, а в случае внутрипартийной борьбы – и своими сторонниками. Это даёт основания предполагать, что для эффективного изучения особенностей определённой личности политика, которое может дать реальные результаты по прогнозу его дальнейших действий на политической арене, необходимы усилия не только лингвистов, психологов и политологов, но и представителей различных дисциплин, в том числе и в области специфических разделов семиотики. Общий портрет личности складывается из малозаметных мелочей, которые при последующем анализе оказываются важными для объективной оценки его политической деятельности и личностных характеристик. В рамках анализа языковой личности, в данном случае трикстера, важны как вербальные, так и невербальные средства, которые позволяют осмыслить типаж говорящего и выявить его дистинктивные характеристики.

Таким образом, онтологически политический дискурс представляет собой сложную систему сочетания объективных и субъективных тактик и стратегий общей линии действий, в том числе и в области коммуникации. Для его эффективного лингвистического исследования следует опираться на уже разработанные методики анализа дискурса.

Список источников

- Добыча сырой нефти. 2021. Данные о мировой энергетике и климате - ежегодник 2021. Enerdata. Режим доступа: yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html
- Lane R. 2017. Inside Trump's Head: An Exclusive Interview with the President, and the Single Theory That Explains Everything. Forbes, 10 Oct. 2017. Available at: <https://www.forbes.com/donald-trump/exclusive-interview/#33edd99abdec> (accessed:2022).
- Mann W.C., Thompson S.A. 1985. Assertions from Discourse Structure (Technical Report No. ISI/RS-85-155). CA, Publ. Information Sciences Institute. Available at: https://www.sfu.ca/rst/05bibliographies/bibs/ISI_RS_85_155.pdf
- Remarks by President Trump on Iran. 2020. National Security & Defense, 8 January 2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran/>

Список литературы

- Ахметшин А.Р., Горбатов А.В. 2015. Атрибутивные признаки архетипа трикстера. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 32: 81–85.
- Богин Г.И. 1984. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста. Дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 354 с.
- Будаев Э.В. 2016. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований. *Политическая лингвистика*, 6 (60):12–17.
- Водак Р. 2006. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу. *Политическая лингвистика*, 19: 107–116.
- Генералова С.Н. 2010. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 5 (1): 95–101.
- Демьянков В.З. 2002. Политический дискурс как предмет политологической филологии. *Политическая наука*, 3: 31–44.
- Иванцова Е.В. 2010. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. Томск, Издательство Томского университета, 160 с.
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. 2005. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. В кн.: *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Сборник научных трудов. Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, Парадигма: 5–25.*

- Матыцина М.С. 2019. Критический дискурс-анализ: теоретико- методологические подходы, направления. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18 (3): 206–216. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.17
- Никулина Д.Е. 2017. Политический дискурс как объект лингвистического исследования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9-1(75): 147–149. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/42.html> (дата обращения: 01.11.2022).
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В. 2011. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 6 (101), вып. 9: 213–221.
- Суханов Ю.Ю. 2018. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 9(1): 200–212. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212
- Чекулай И.В. 2006. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, Изд. Белгородского гос. ун-та, 234 с.
- Asher N. 1986. Belief in Discourse Representation Theory. *Journal of Philosophical Logic*, 15: 127–189. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00305490>
- Bayley P. 1985. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. In: Campaign language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna, Publ. Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna: 77–174.

References

- Akhmetshin A.R., Gorbatov A.V. 2015. Attributive signs of archetype of trickster. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 32: 81–85 (in Russian).
- Bogin G.I. 1984. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam teksta [A model of linguistic personality in its relation to text varieties]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Leningrad, 354 p.
- Budaev E.V. 2016. Critical analysis of political discourse: main trends of contemporary foreign research. *Political Linguistics*, 6(60):12–17 (in Russian).
- Vodak R. 2006. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in cda. *Political Linguistics*, 19: 107-116 (in Russian).
- Generalova S.N. 2010. Political discourse in the linguistic-culturological paradigm. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 5(1): 95–101.
- Dem'yankov V.Z. 2002. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Political Science*, 3: 31–44.
- Ivantsova E.V. 2010. Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti [Linguopersonology: Fundamentals of the Theory of Linguistic Personality]. Tomsk, Publ. Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 160 p.
- Karasik V.I. 2002. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Karasik V.I., Dmitrieva O.A. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological Linguistics: Linguistic and Cultural Types]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Ed. V.I. Karasik. Volgograd, Publ. Paradigma: 5–25.
- Matytsina M.S. 2019. Critical discourse analysis: theoretical and methodological approaches. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(3): 206–216 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.17
- Nikulina D.E. 2017. Political discourse as an object of linguistic research. *Philology. Theory & Practice*, 9-1 (75): 147–149 (in Russian). URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/42.html> (accessed: 01.11.2022).
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V. 2011. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентативность языковыми средствами в художественном пространстве [“Trickster” as a linguo-psychological type and its representation by linguistic means in the artistic space]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 6 (101), Iss.16: 213–221.

- Sukhanov Yu.Yu. 2018. Political discourse as object of linguistic analysis. RUDN journal of language studies, semiotics and semantics, 9 (1): 200–212 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212
- Chekulay I.V. 2006. Funktsional'no-deyatel'nostnyy podkhod k izucheniyu printsipov otsenochnoy kategorizatsii v sovremennom angliyskom yazyke [Functional-activity approach to the study of the principles of evaluative categorization in modern English]. Belgorod, Publ. Izd. Belgorodskogo gos. un-ta, 234 p.
- Asher N. 1986. Belief in Discourse Representation Theory. Journal of Philosophical Logic, 15: 127–189. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00305490>
- Bayley P. 1985. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. In: Campaign language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna, Publ. Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna: 77–174.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.03.2022

Received March 27, 2022

Поступила после рецензирования 27.05.2022

Revised May 27, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шустов Дмитрий Вадимович, преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Dmitry V. Shustov, Lecturer of the Department of Foreign Languages of the V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Пойменова Алиса Сергеевна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Alisa S. Poimenova, Postgraduate Student of the Department of English Philology and Intercultural Communication of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Прохоров Николай Александрович, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Prokhorov Nikolay Alexandrovich, Master's student of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia